

РЕБЯТА С ПЕТРОГРАДСКОЙ

Посвящается детям – защитникам блокадного Ленинграда.

(историко-патриотическая драма)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ученики школы номер 85.

Девочки из наших дней:

Настя – Некрасова Екатерина

Варя – Вдовина Вероника

Ребята из блокадного Ленинграда:

Настя – Бардукова Василиса

Варя – Старикова Федосия

Нина – Грицык Дарья

Лена – Пискун Ксения

Серёжа – Пискун Филипп

Генка – Беляев Тимур

Ната – Варламова Анна

Дед Мороз – Старикова Варвара

Ординарец – Мехова Елизавета

Девочка в танце – Суходоева Елизавета

Сцена 1

Наши дни.

Варя и Настя пробираются по тёмному подвалу школы.

Варя. Ты идёшь?

Настя. Тут темно! Я ничего не вижу.

Варя. Осторожно, не стукнись, впереди справа куча старой мебели.

Настя. Варя, ну почему мы должны репетировать в подвале? Тут холодина, мышами пахнет.

Варя. Потому что в Ленинграде во время блокады уроки часто проводили в бомбоубежищах, чтоб не бегать туда-сюда во время авианалётов.

Настя. Ну, мы же эту твою сценку не в бомбоубежище будем играть? В актовом зале, наверное?

Варя. Мы должны почувствовать атмосферу, понимаешь?

Настя. Я не хочу чувствовать никакую атмосферу. Давай, я просто слова выучу и громко расскажу? Мы остальных ещё сто лет будем ждать, потом эту твою атмосферу почувствовать... У Дины Хай сегодня стрим, если я его пропущу, я тебя убью.

Варя. Нет, так не пойдёт. Мы должны быть достоверными, а для этого нужно хоть немного представлять себе, что такое война, блокада.

Настя. Зачем?

Варя. Чтобы убедительно рассказать о тех ребятах. Чтобы почтить их память.

Настя. Не хочу я чтить ничью память, у меня других забот хватает. У моего дядьки на заднем стекле тачки надпись «Спасибо деду за Победу», и мне кажется, этого достаточно.

Варя. Это не память. Это ерунда.

Настя. Ну и что? Варь, я всё понимаю, я не тупая. Ну, вот попали эти наши, как их? Ровесники. Попали они, значит, в такую засаду. Ну, война. Ну, голод. Ну, вот такие они святые, уникальные и крутые. А я не святая и не уникальная, я вообще не понимаю, чего они там немцам не сдались.

Варя. Как это?

Настя. Очень просто. Ну, победили бы немцы. И что? Какая разница? Да и вообще, «блокада» эта ваша... Я вот передачу одну смотрела, там сказали, что блокады никакой не было, и вообще Сталин бы первый на Германию напал, если бы Гитлер его не опередил. Что ты на меня так смотришь? Давай, объясняй по-быстрому, чего делать, и я пойду, а то стрим пропущу.

Варя. Так. Хорошо. Надевай вот это.

Настя. Что это?

Варя. Пальто. И варежки. В Ленинграде зимой сорок первого центральное отопление не работало. Где можно было, ставили печку-буржуйку, а от неё тепла не хватало.

Настя (надевает пальто). Вот я чучело, конечно, в этом всё... Слушай, я есть хочу. Давай, пока народ собирается, я до автомата добегу, чипсов куплю и сока?

Варя. Нет. Ты куда не добежишь. Во-первых, чтобы бегать, нужны силы, а их нет. Школьники зимой сорок первого года не бегали. Во-вторых, никаких автоматов с едой в Ленинграде не было, и чипсов, конечно, тоже.

Настя. Нормально. И что мне делать, если я голодная?

Варя. Ничего не делать. Потому что нет еды, и с этим ты ничего не поделаешь. Первого сентября сорок первого запретили свободную продажу продуктов в магазинах. Ну, ремень старый кожаный можно попробовать сварить, будет что-то вроде бульона. А ещё мучной клей. На него обои клеили. Его со стен соскребали и варили. Что-то вроде студня получалось. В продуктовых магазинах гражданам отоваривали карточки.

Настя. Что отоваривали?

Варя. Карточки. По ним выдают хлеб. Сто двадцать пять граммов – дневная норма школьника в Ленинграде зимой тысяча девятьсот сорок первого года...

Сцена 2

Декабрь 1941 года. Бомбоубежище

Настя и Варя подтаскивают к столу табуретки.

Настя. Хватит, может быть? Кроме Серёжи и Лены, наверное, никто не придёт.

Слышны отдалённые звуки бомбёжки.

Варя. А Нинка?

Настя. Они с мамой папу сегодня похоронили.

Варя. Значит, мы к ней придём.

В бомбоубежище входят Серёжа, Лена и Нина.

Серёжа. Ребята, вы тут?

Варя. Проходите. Молодцы, что пришли. Нина, садись сюда. Будешь вести протокол собрания. Настя, дай ей чернильницу.

Настя. Ой...

Варя. Что случилось?

Настя. Вот балда! Я не нарочно, честное слово. Я чернильницу за пазухой грела, грела, а когда мы стали мебель двигать, сюда вот поставила. И они, кажется, замёрзли, чернила...

Серёжа. Точно, замёрзли.

Нина. У меня есть карандаш. А бумага... Вот, «Робинзон Крузо». Издание старое, на полях место есть. Мне её папа в прошлом году на Первое мая подарил.

Варя. Проведём заседание совета отряда без протокола. Ничего. Первый вопрос повестки дня...

Лена. А вам сегодня суп без крупы давали?

Настя. С листьями капустными, с «хряпой». Крупы не было, кажется.

Серёжа. Завтра на втором уроке обещали каждому по ромовой конфетке раздать, я сам слышал, учителя между собой говорили.

Варя. Отставить! Договорились же, за разговоры о еде будем штрафовать. Первый вопрос повестки дня – работа пожарного звена. Чего замолчал, Серёга?

Серёжа. А чего сразу я?

Варя. Кто руководитель пожарного звена? Пушкин, что ли? Так он бы, небось, лучше, чем ты, справился. Почему к началу тревоги звено в полном составе опоздало на крышу? Если бы не географ Викентий Евгеньевич, школа бы сгорела. Ему семьдесят, а он на крышу первый забежал, и три зажигалки потушил, пока вы там копались. Где вы были, когда воздушную тревогу объявили?

Серёжа. Ну, признаю. Провозились долго.

Варя. Вот у меня записано со слов ученика пятого класса Вани Званцева: «Старшие ребята во дворе слепили из песка рожу Гитлера и били по ней лопатами. Вскоре к ним присоединился руководитель пожарного звена Сергей Ковалёв. Когда началась тревога, они своё занятие не бросили, а начали колотить сильнее». Потратили все силы на глупость, а по лестнице на крышу забраться уже не смогли, так?

Серёжа. Так.

Варя. Какой же ты после этого начальник пожарного звена? Ты самый настоящий вредитель. Фашист бомбит нашу школу, а ты ему помогаешь.

Серёжа. Ты что такое говоришь, гад? Я фашисту помогаю? У меня братишка во время эвакуации без вести пропал, потому что фрицы дорогу бомбить начали, по которой население шло. Я фашистам помогаю!

Нина. Тише, Серёжа, успокойся.

Варя. И что нам с тобой делать? У кого какие предложения?

Нина. Ничего не делать.

Варя. Как это? Пускай теперь все на голове ходят? А как же дисциплина?

Настя. Чтоб на голове ходить, Серёга мало каши ел.

Серёжа. Это точно. Ох, я бы сейчас каши... Мать её маслицем польёт, она дымится, густая такая...

Варя. Отставить разговоры про еду!

Настя. А я, когда маленькая была, кашу ненавидела. Собаке нашей отдавала и фикусу, пока мама не видела. Если бы знала, что такая война начнётся, всё до ложечки бы съедала и тарелку бы вылизывала.

Варя. Так. Начальнику пожарного звена Сергею Ковалёву предлагаю вынести устное порицание без занесения в протокол, потому что протокола нету. Кто «за»? Кто «против»? Единогласно. Вопрос второй. Успеваемость Настасьи Иваненко.

Настя. Ну, наконец-то и мне «прилетело».

Варя. Не смешно, Настя. Ты же отличница была. А сейчас? По русскому «удовлетворительно», по географии так и вовсе «неуд». По истории тебе Ольга Петровна «хорошо» поставила просто из жалости.

Настя. Я учу, я повторяю, честное слово. Просто память слабеет почему-то. Я вот про итальянского художника эпохи Возрождения рассказываю, а как его зовут, ну не могу вспомнить, хоть тресни.

Лена. Мы ведь договорились: оценка «отлично» означает «офицер Фриц убит», оценка «хорошо» – «солдат Ганс убит», оценка «удовлетворительно» – промазал, а «неуд» – вообще по своим стреляешь.

Серёжа. Что вы привязались к человеку? Учителя сейчас строго не спрашивают, жалеют.

Варя. А ты, Серёга, учишься для учителя? Фашист у самых стен Ленинграда. Это значит, что город наш не просто город, а город-фронт. И мы в нашем городе не просто школьники, а бойцы. Наш фронт – это учёба. И каждая слабая оценка – это пропущенный выстрел по врагу.

Лена. Настюха уже давно по своим стреляет.

Настя. Кто бы говорил!

Варя. Отставить! Про твою успеваемость, Лена, разговор отдельный.

Лена. А у меня предложение: заниматься дополнительно и помогать друг другу. Настя может по истории помочь, Серёжа физику с нами подтянет, Нина немецкий язык, Лёша географию, а я... я...

Серёжа. А ты, Леночка, болтологию. Уж в этом-то ты точно разбираешься.

Варя. Ещё вопрос. О школьном супе. Несмотря на строжайшее распоряжение съесть суп в школьной столовой, отдельные несознательные граждане пытаются тайком вылить суп в баночку и отнести домой.

Лена. У меня дома мама лежит, не встаёт, и сестра Машка плачет. Им нужнее, честное слово!

Варя. Суп выдаётся, чтобы поддерживать силы учащихся. Строжайшее распоряжение.

Лена. Машка плачет. Маленькая, жалко. А я сильная, не очень истощённая. У меня смотрите, какие руки, вот даже пальцы не сходятся, если обхватить.

Нина. Полина Ивановна не встаёт?

Лена. Ноги опухли.

Нина. Папа тоже перестал вставать, и всё. Мы его в одеяльце с мамой зашили, на саночках на кладбище отвезли, там сторож за крупу и хлеб с краешку могилу вырыл. Такой хороший человек.

Нина тихо плачет, Лена и Настя обнимают её.

Серёжа. На фронт бы мне. Я бы этих гадов, не зная пощады, крушил бы день и ночь.

Варя. И последний на повестке дня вопрос. Поступило предложение создать школьную концертную бригаду и поздравить раненых в госпиталях новогодней программой.

Совсем близко раздаётся громкий взрыв. Ребята ныряют под стол.

Настя. Ничего себе...

Лена. Это же прямо здесь вдарило.

В бомбоубежище заглядывает Ната.

Ната. Ребята, вы тут?

Серёжа. Натка, ты чего по улице шастаешь?

Ната. Да дежурила же я в госпитале, мамке помогала! Вот это долбануло сейчас! Тридцать второй дом расселся, прямо пополам!

Настя. А школа? В неё тоже попало?

Ната. Цела наша родненькая! И ничего ей не сделается от этих гадов. А мамка моя говорит, фрицам нужно просто мой табель с оценками показать для устрашения, и тогда они с испугу будут драть до своей разлюбленной Германии.

Бомбоубежище сотрясает новый, ещё более страшный взрыв.

Сцена 3

Госпиталь. Импровизированная сцена в палате. Несколько раненых сидят или полулежат на койках. Тут же санитарки и медсёстры.

Ученики школы номер 85 проводят новогодний концерт.

Настя. Дорогие бойцы! Приближается одна тысяча девятьсот сорок второй год. Мы, ученики средней школы номер восемьдесят пять, свято верим, что наступающий год принесёт нашей великой стране долгожданную победу над проклятым фашизмом. Мы подготовили для вас концерт. Сейчас ученицы шестого «А» исполняют для вас фигурный вальс. (исполняется вальс под музыку «Ах, эти тучи в голубом»)

Девочки танцуют, им аплодируют.

Настя. Сатирическая сценка «Подарок Гитлеру». Исполняют Сергей Ковалёв и ученики школы номер восемьдесят пять.

Выходит Серёжа, загримированный Гитлером.

«Гитлер». Швайсе-драйсе нихтен-шихтен! Ординарец!!! Ординарец!!!

«Ординарец». Я здесь, мой фюрер!

«Гитлер». Разве ты забыл, как нужно приветствовать своего фюрера?

«Ординарец». Хайль... ой-ёй-ёй...

«Гитлер». Что случилось, ординарец?

«Ординарец». Что-то руку свело!

«Гитлер». Странно! Вчера руку свело у моего обер-штабен-секретаря, сегодня руку сводит моему десятому ординарцу, а утром руку свело целому элитному батальону эс эс. Проклятые русские морозы! Да!!! Я совсем забыл, зачем позвал тебя. Скоро Новый год.

«Ординарец». Яволь, мой фюрер!

«Гитлер». А что происходит в Новый год?

«Ординарец». Не могу знать, мой фюрер!

«Гитлер». Дубина! Тупица! В Новый год все получают подарки! Твой фюрер тоже желает получить подарки!

Входит «Дед Мороз».

«Дед Мороз». Это кто тут шумит? Кто скандалит?

«Ординарец». Как ты разговариваешь с фюрером, руссише дед?!

«Гитлер». Отвечай, кто ты таков?

«Дед Мороз». Как это, кто? Я для ребятишек добрый дедушка Мороз. А для вас, фашистских захватчиков, грозный Дед Мороз. И вот вам от меня новогодние подарочки!

«Дед Мороз» достаёт дубину, лупит ею «Гитлера» и «Ординарца», прогоняя их со сцены.

«Дед Мороз». Бегите, бегите! Да крепче подштанники держите! Чтоб не видел я вас на родной советской земле!

Исполнители сценки кланяются, «Дед Мороз», не удержавшись, снова даёт пинка «Гитлеру».

Настя. Сергей Ковалёв. Фокусы!

Выходит Серёжа с ярким реквизитом.

Серёжа. Почтеннейшая публика, прошу внимания! Вы видите у меня в руках вот этот платок...

К Серёже выходит на костылях забинтованный Генка. Санитарка пытается его остановить.

Санитарка. Больной, вы куда? Вам разве можно вставать?

Генка. Серёжка, ты? Не узнаёшь? А я, главное, слышу, школа номер восемьдесят пять, школа номер восемьдесят пять... И ничего! Даже не соображаю, что моя школа-то!

Серёжа. Генка! Ты живой! Это же Генка, братцы! Генка, брат мой! Как ты, что ты, ну? Не убило! Живой!

Ребята, санитарки и раненые собираются вокруг Генки и Серёжи.

Генка. Живой. Мы по шоссе шли. Медленно, конечно, ни телеги, ни машины, на себе все эти тюки тащим, барахло своё. Тут вой, грохот. Бомбёжка началась. Все орут, как безумные, бегут кто куда. А я под тюком, кроме асфальта, ничего не вижу. Меня словно бы за шиворот ухватило и поволокло куда-то. Очнулся уже у партизан. Они меня подобрали, в отряд приняли.

Настя. Ты в партизанском отряде сражался?

Генка. Это кто? Настя?

Настя. Не узнаёшь?

Серёжа. Все изменились.

Генка. Не в том дело. Я ведь не вижу, Серёга. Доктор местная сказала, какой-то «накопленный эффект»... Когда толковый заряд под рельс закладываешь, далеко со шнуром не отползёшь, иначе большой шанс, что взрыватель не сработает. Раз небольшая контузия, два... Но это не главное! Слышите, ребята? Совсем скоро в Ленинград пойдёт хлеб.

Лена. Ой, Гена, лучше не говори. Вдруг это военная тайна?

Генка. Нет, не тайна. Фашисты об этом знают и пытаются помешать, только уж амба. Под Псковом колхозники собрали целый обоз с хлебом, с зерном для Ленинграда, и обоз этот прорывался к городу. Партизаны вели этот обоз. Первую линию обороны прорвали с боями, ещё одна линия оставалась.

Нина. Ну? Ну же? Прорвали?

Генка. Нет пока. Уж больно яростно немец лупил, не хотел хлеб пускать в Ленинград. Меня вон как посекло! Чудо, что свои подобрали. Везучий я, видать, человек.

Лена. Эх, сколько хлеба фрицам досталось...

Генка. Ничего. Пусть подавятся. Колхозники опять обоз соберут, и партизаны его доставят в Ленинград. Главное, знайте, что вы не одни, что о вас помнят, знают, что вашим мужеством восхищаются и обязательно, слышите, обязательно обоз придёт, и кольцо прорвут...

Настя. Товарищи! Вы как хотите, а мы не завершили наш концерт. Я сейчас прочитаю вам стихотворение Ольги Берггольц. Я, может быть, собьюсь. Я это стихотворение только один раз по радио услышала, когда Берггольц выступала и читала. Но вы меня, товарищи,

не останавливайте и не поправляйте. У меня всегда была хорошая память, на «отлично» прямо. И я, товарищи, не сдамся.

Настя читает стихотворение.

...Я буду сегодня с тобой говорить,
товарищ и друг мой ленинградец,
о свете, который над нами горит,
о нашей последней отраде.

Товарищ, нам горькие выпали дни,
грозят небывалые беды,
но мы не забыты с тобой, не одни, —
и это уже победа.

Смотри — материнской тоской полна,
за дымной грядой осады,
не сводит очей воспаленных страна
с защитников Ленинграда.

Так некогда, друга отправив в поход,
на подвиг тяжелый и славный,
рыдая, глядела века напролет
со стен городских Ярославна.

Молила, чтоб ветер хоть голос домчал
до друга сквозь дебри и выси...
А письма летят к Ленинграду сейчас,
как в песне, десятками тысяч.

Сквозь пламя и ветер летят и летят,
их строки размыты слезами.
На ста языках об одном говорят:
«Мы с вами, товарищи, с вами!»

А сколько посылок приходит с утра
сюда, в ленинградские части!
Как пахнут и варежки, и свитера
забытым покоем и счастьем...

И нам самолеты послала страна, —
да будем еще неустанней, —
их мерная, гулкая песня слышна,
и видно их крыльев блистанье.

Товарищ, прислушайся, встань, улыбнись
и с вызовом миру поведай:
За город сражаемся мы не одни, —
и это уже победа.

Спасибо. Спасибо, родная страна,
за помощь любовью и силой.
Спасибо за письма, за крылья для нас,
за варежки тоже спасибо.

Спасибо тебе за тревогу твою, —
она нам дороже награды.
О ней не забудут в осаде, в бою
защитники Ленинграда.

Мы знаем — нам горькие выпали дни,
грозят небывалые беды,
но Родина с нами, и мы не одни,
и нашею будет победа.

Сцена 4

Настя, Варя, Нина, Серёжа, Лена вместе идут из госпиталя. Лена внезапно присаживается.

Нина. Лена, ты чего села?

Лена. Ребяточки, милые... Вы идите, идите.

Серёжа. Ленка, что?

Лена. Я тут посижу немножко и сама потом дойду.

Варя. Нельзя её так оставлять.

Нина. А я знаю, почему она села.

Нина лезет Лене в карман пальто и достаёт оттуда конфету.

Нина. Вот! Она её в госпитале украла, у раненого. Я, как вошла, сразу увидела, лежит на тумбочке конфета, а Ленка прошла, и конфеты не стало.

Настя. Лена, как ты могла?

Нина. Взяла и стянула, а теперь хочет одна её съесть.

Лена. Нет, неправда... Раненый мне эту конфету сам отдал, он сказал, возьми. Он эту конфету приготовил, чтобы нам отдать.

Серёжа. А ты её потихоньку в карман сунула и молчишь?

Лена. Я для Машки, для сестры хотела... Ребятки, простите меня. Вы её заберите, мне совсем-совсем не жалко, я только устала очень, и спать мне хочется. Я чуточку отдохну и пойду.

Варя. Она же и правда сейчас уснёт. Лена, не вздумай.

Нина. А конфету надо на всех поделить.

Варя. Конфету получит Машка, ясно?

Раздаётся сигнал оповещения: «Граждане! Воздушная тревога! Воздушная тревога!»

Настя. Ну же, Леночка, вставай!

Серёжа. Ленка, ты это брось! Бомбоубежище рядом, давай поднимайся.

Варя. Топай ножками, ну?

Лена. Идите, ребята, я посижу. Вы не бойтесь, мне ни чуточки не страшно, я очень устала просто.

Слышен гул самолётов.

Варя. Тащи её, ребята!

Все пытаются поднять Лену, сил не хватает.

Самолёты гудят всё громче. Слышны свист и грохот взрывов.

Сцена 5

Наши дни. Школьный подвал.

Настя и Варя.

Настя. Варя, не надо! Хватит! Прекрати, я не могу больше! Они все тогда погибли, да?

Варя. Не все. Не все, слышишь?

Настя. Сколько же их было на весь Ленинград, детей?

варя. На начало войны было прописано больше восьмисот тысяч детей от младенцев до шестнадцатилетних, а потом прибавились беженцы. При эвакуации погибли больше ста пятидесяти тысяч ребят. От голода в десятки раз больше. Но те, кто выжил, учились, работали на заводах, помогали в госпиталях.

Настя. Варя, мне так страшно. Разве может человек перенести это всё?

Варя. Не нужно бояться. Нужно просто сделать всё, чтобы это никогда больше не повторилось, понимаешь?

Настя. Я понимаю! Только что же делать, Варя?

Варя. Помнить. Для начала просто помнить и не терять эту память. Мы должны помнить. Мы должны помнить, слышишь?